

Предисловие

Всех культовых личностей, собранных мной по прихоти моей как приятели, так и неприязни, объединяет не только бешеное поклонение как толп, так и горсточек рафинированных поклонников. В них во всех есть бешенство души, позволившее им дойти до логического конца своих судеб: Пазолини нашел свою судьбу на вонючем пляже в Остии, убитый персонажем своего фильма и книги («Рагацци»), Мишима вскрыл живот на балконе штаба японской армии по заветам «Хагакурэ», которую он так бешено рекомендовал современникам, Ван Гог прострелил свою гениальную безумную голову в кукурузном поле под палящим солнцем Оверни, Константин Леонтьев умер, постриженный в монахи, Джон Лейденский сложил голову на плахе, Жан Жене — в Париже, но вдали от мира, спрятавшись в арабском отеле, и похоронен в Тунисе, Ницше — в сумасшедшем доме... Сад в тюрьме, замаскировавшейся под сумасшедший дом.

Эта книга не предназначается для обывателя. Она предназначается для редких и странных детей, которые порой рождаются у обывателей. Для то-

го чтобы их поощрить: смотрите, какие были *les monstres sacres*, священные монстры, вот какими можно быть. Большинство населения планеты, увы, живет овощной жизнью.

Книга написана в тюрьме, в первые дни пребывания в следственном изоляторе «Лефортово», я, помню, ходил по камере часами и повторял себе, дабы укрепить свой дух, имена Великих узников: Достоевский, Сад, Жан Жене, Сервантес, Достоевский, Сад... Звучали эти мои заклинания молитвой, так я повторял ежедневно, а по прошествии нескольких дней стал писать эту книгу. Мне хотелось думать о Великих и укрепляться их именами и судьбами.

Одновременно это и ревизионистская книга. Ну, на Пушкина наезжали не раз. Но обозвать его поэтом для календарей еще никто не отважился. Я думаю, что помещичий поэт Пушкин настолько устарел, что уже наше ничто. Надо было об этом сказать. Так же как и о банальности Льва Толстого, и о том, что Достоевский для создания драматизма использовал простой трюк увеличения скорости, успешно выдавал своих протагонистов, невротиков и психопатов за русских. Я полагаю, что ревизионизм — это хорошо. Он заставляет думать, и, таким образом, человечество не спит, движется успешно, строит свой дом у подножья вулкана. Мне всегда хотелось быть тем базлающим мальчиком из сказки Андерсена, который завопил: «А король-то голый!» И мальчику неважно, что будет потом, что все бросятся бить

его — ведь боль побоев ничто в сравнении с неизъяснимым удовольствием возопить правду.

И еще: это бедные записки. От них пахнет парашей и тюремным ватником, который я подкладываю себе под задницу, приходя писать в камеру № 25. (Часть записок написана в камере № 24.) Бедные, потому что справочной литературы или хотя бы энциклопедического словаря, чтобы уточнить даты, у меня нет. Синий обшарпанный дубок-столик размером 30 × 60, два блокнота на нем, три ручки — вот вся бухгалтерия и библиотека.